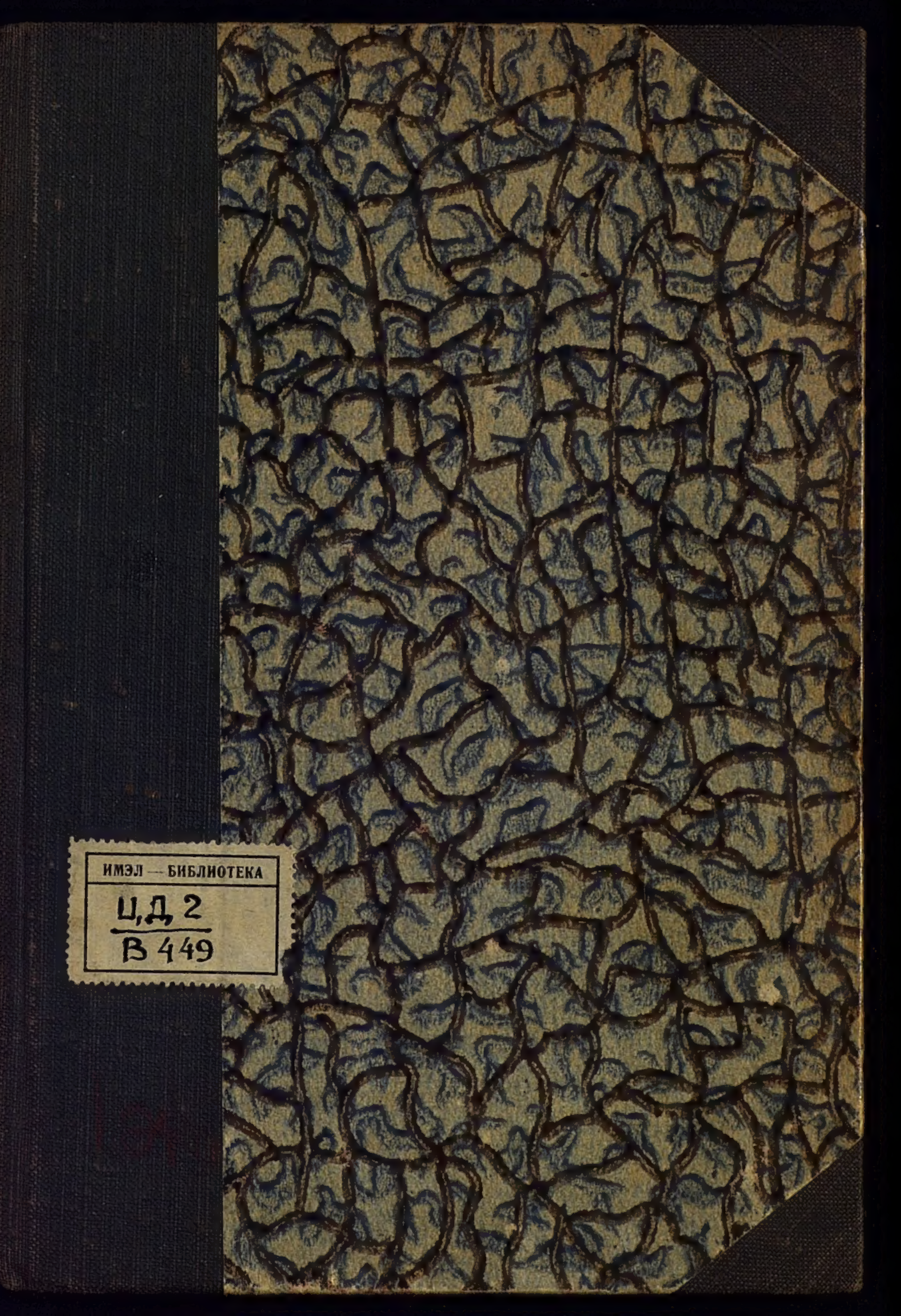
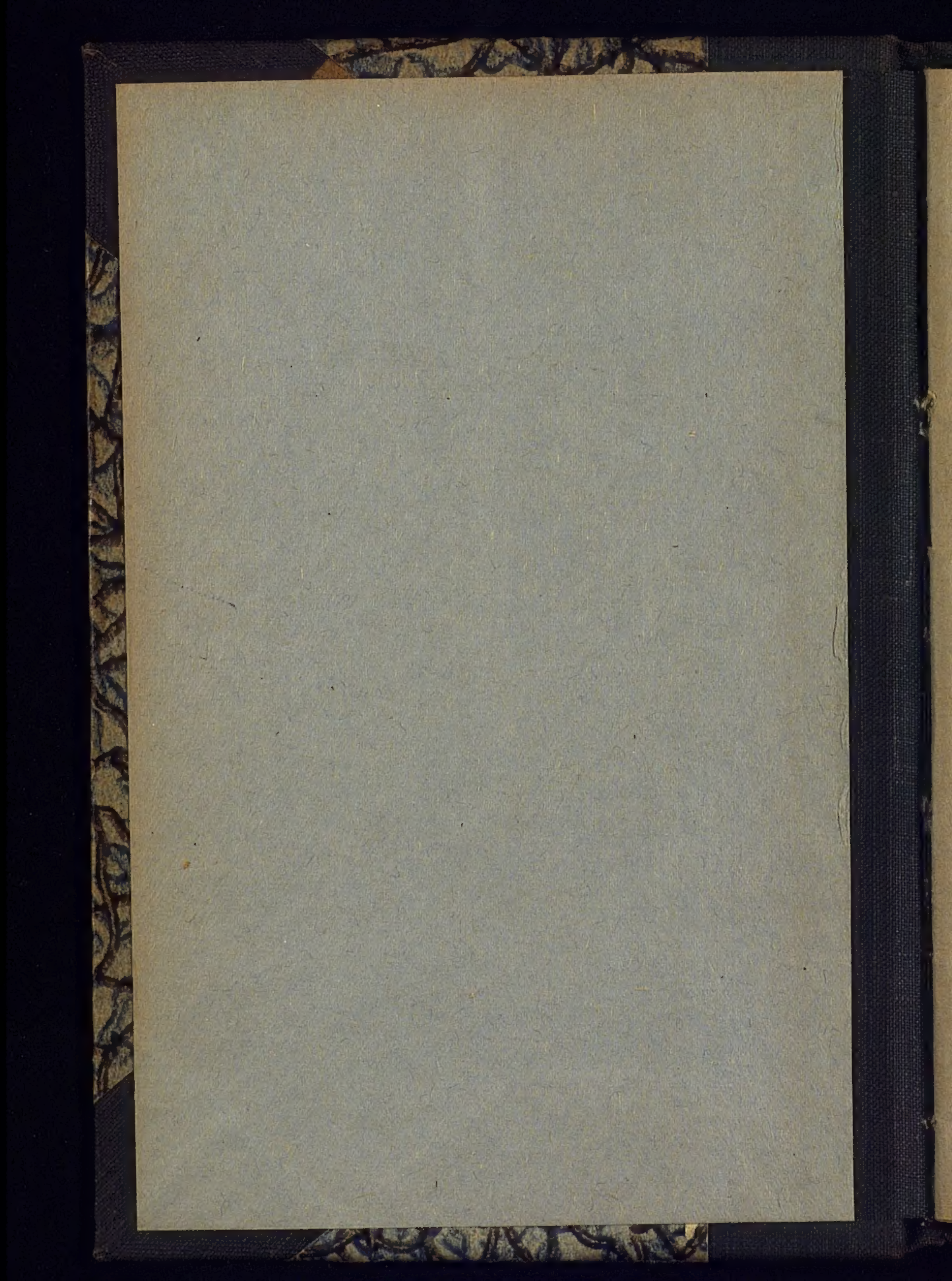

ИМЭЛ — БИБЛИОТЕКА
Ц,Д 2
В 449

№ 3463

Matériaux inédits pour la biographie. Tome II.

920
Н 72

Новые матеріалы по біографіи
россійскихъ коронованныхъ особъ,
составленные на основаніи заграничныхъ документовъ.

ЦД2
В 449

ТОМЪ II.

АННА ІОАННОВНА

ея личность, интимная жизнь и правленіе.

Составилъ Н. Ю. Веретьевъ.

BERLIN
Heinrich Caspari Verlagsbuchhandlung
1912

1-й оср.

№3463

Matériaux inédits pour la biographie. Tome II.

*Новые матеріалы по біографіи
россійскихъ коронованныхъ особъ,
составленные на основаніи заграничныхъ документовъ.*

920
H72.

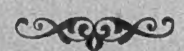
ТОМЪ II.

АННА ІОАННОВНА

ея личность, интимная жизнь и правленіе.

Составилъ Н. Ю. Веретьевъ.

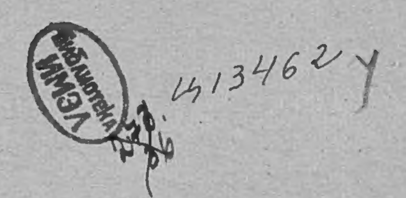

BERLIN
Heinrich Caspari Verlagsbuchhandlung
1912

1w

ЦД2
В 449

2012
У
83

I.

Періодъ царствованія императрицы Анны Іоанновны является однимъ изъ самыхъ печальныхъ на протяженіе тысячелѣтней исторіи Руси. Разсматривая т. н. смутные періоды россійскаго государства съ точки зрѣнія значенія ихъ, положительнаго или отрицательнаго, для развитія государственности нашего отечества, съ точки зрѣнія развитія народнаго благосостоянія и освобожденія народа отъ политическихъ, экономическихъ и юридическихъ путъ, годы русской исторіи, начинающіеся съ 1830, т. е. съ воцаренія Анны Іоанновны — являются самыми мрачными, болѣе мрачными, нежели смутные годы, предшествовавшіе воцаренію династіи Романовыхъ. Съ восшествіемъ на престолъ Анны Іоанновны, этого послѣдняго отпрыска бояръ Романовыхъ по прямой линіи, начинается продолжительный періодъ развала россійской

1*

государственности, а не укрѣпленія и развитія ея. При ней т. н. нѣмецкій періодъ русскаго управленія достигаетъ высшей точки своего развитія, т. н. эпоха временщиковъ и фаворитовъ, притомъ не русскаго, а иноземнаго происхожденія. Царствованіе Анны Іоанновны, не будучи богато историческими событіями общегосударственной и международной важности, интересно потому, что оно изобилуетъ богатствомъ мелкихъ штриховъ, характерныхъ для періода упадка государственности, который мало чѣмъ отличается отъ предсмертной агоніи. Но и сами дѣятели времени 1730—1740 гг. — политическіе декаденты, начиная съ носительницы короны, переходя черезъ личности нѣмецкихъ и шведскихъ проходимцевъ перваго разряда — фактическихъ руководителей державы, и кончая третьестепенными исполнителями воли этихъ проходимцевъ и безволья императрицы. Потому-то для историка періодъ этотъ является однимъ изъ наиболѣе заманчивымъ.

Въ ночь на 19 января 1730 года въ Москвѣ, въ Лефортовомъ дворцѣ умеръ отъ оспы 15-тилѣтній императоръ Петръ II., внукъ Преобразователя, не назначивъ себѣ преемника.

Вмѣстѣ съ нимъ гасла династія, пресѣкалась мужская линія дома Романовыхъ. Престолонаслѣдіе осталось безъ прочныхъ законодательныхъ нормъ и законныхъ наслѣдниковъ. Законъ Петра I, неясный, произвольно толкуемый и оставленный безъ дѣйствія самымъ законодателемъ, терялъ свою силу, а завѣщаніе Екатерины I не имѣлъ ея, какъ документъ спорный. Для замѣщенія престола перебирали весь наличный царскій домъ, называли царицу-монахиню, первую жену Петра, его младшую дочь Елизавету, двухлѣтняго сына старшей умершей дочери Анны, герцога голштинскаго, трехъ дочерей царя Ивана и ни на комъ не могли остановиться, ни у кого не могли найти безспорнаго права на престолъ: законъ Петра I спуталъ всѣ династическія понятія и отношенія. Кандидаты цѣнились по политическимъ соображеніямъ, по личнымъ или фамильнымъ сочувствіямъ, а не по законнымъ основаніямъ. Среди этой сумятицы толковъ и интересовъ Верховный Тайный Совѣтъ, какъ руководитель управленія, взялъ на себя починъ въ дѣлѣ замѣщенія престола. Въ ту же ночь, тотчасъ по смерти Петра II, онъ совѣщался объ этомъ дѣлѣ,

назначивъ на наступавшее утро собраніе всѣхъ высшихъ чиновъ государства, чтобы совмѣстно съ ними рѣшить столь важный вопросъ. При этомъ Совѣтъ пополнилъ самъ себѣ: въ его пятичленномъ составѣ были уже три аристократа, князь Д. М. Голицынъ и двое князей Долгорукихъ; теперь приглашены были другой Голицынъ, братъ Димитрія, и еще двое Долгорукихъ. Присутствіе шести лицъ только изъ двухъ знатнѣйшихъ фамилій придало Совѣту не только аристократическій, но и прямо олигархическій характеръ. На совѣщаніи говорили много и долго „съ немалымъ разгласіемъ", по выраженію Ѳеофана Прокоповича. Заявленіе князя Долгорукаго, отца второй невѣсты Петра II, о правѣ его дочери на престолъ, будто бы завѣщенный ей покойнымъ женихомъ и чье-то предложеніе о царицѣ-бабкѣ были отклонены, какъ „непристойныя". Тогда князь Д. Голицынъ, возвысивъ голосъ, сказалъ, что Богъ, наказуя Россію за ея безмѣрные грѣхи, наипаче за усвоеніе чужестранныхъ порядковъ, отнялъ у нея государя, на коемъ покоилась вся ея надежда, и такъ какъ его смертью пресѣкалось мужское колѣно царскаго дома, то над-

лежитъ перейти къ старшей женской линіи, къ дочерямъ царя Ивана, тѣмъ болѣе, что дочери Петра I, и сами по себѣ не имѣютъ права на престолъ, какъ незаконныя, родившіяся до поступленія ихъ отца въ бракъ съ ихъ матерью. Завѣщаніе-же Екатерины не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ эта женщина, будучи низкаго происхожденія, и сама не имѣла права на престолъ, и не могла имъ распоряжаться; но и старшая изъ дочерей царя Ивана, Екатерина Мекленбургская, неудобна, какъ жена иноземнаго принца, притомъ человѣка сумасброднаго; всего удобнѣе вторая царевна, вдовствующая герцогиня курляндская Анна, дочь русской матери изъ стариннаго добраго рода, женщина, одаренная всѣми нужными для престола качествами ума и сердца. „Такъ такъ, нечего больше разсуждать, выбираемъ Анну“, въ одинъ голосъ зашумѣли верховники. Но предложивъ неожиданно Анну, Голицынъ еще неожиданнѣе добавилъ: „Ваша воля, кого изволите; только надобно и себѣ полегчить.“ — „Какъ это себѣ полегчить?“ —, спросилъ канцлеръ Головкинъ. — „Хоть и зачнемъ, да не удержимъ того“, возразилъ одинъ изъ Долгорукихъ. —

„Право, удержимъ“, наставалъ Голицынъ. Всѣ охотно приняли предложенiе о герцогинѣ курляндской, но о прибавкѣ воли смолчали. Голицынъ продолжалъ: „Будь ваша воля; только надобно, написавъ, послать къ Ея Величеству пункты.“ Между тѣмъ въ другой залѣ дворца сенаторы и высшiе генералы дожидались, на чемъ порѣшатъ верховники. Ягужинскiй, бывшiй генералъ-прокуроръ Сената, отвелъ въ сторону одного изъ толпившихся тутъ Долгорукихъ и высказывалъ ему чисто-голицынскiй образъ мыслей: „Долго-ли намъ терпѣть, что намъ головы сѣкутъ? теперь время, чтобы самодержавiю не быть.“ Когда верховники вышли и объявили объ избранiи Анны, никто не возражалъ.

Утромъ 19 января собравшимся въ Кремлѣ Синоду, Сенату, генералитету и прочимъ высшимъ чинамъ Верховный Тайный Совѣтъ объявилъ о порученiи россiйскаго престола царевнѣ Аннѣ, прибавивъ, что требуется на то согласiе всего отечества въ лицѣ собравшихся чиновъ. Всѣ изъявили полное согласiе. Больше ничего не было объявлено собранiю. Между тѣмъ въ тотъ-же день спѣшно были составлены и подъ покровомъ строжайшей

тайны посланы въ Митаву довѣренные съ письмомъ къ Аннѣ, съ пунктами или „кондиціями“, ограничивавшими ея власть. Императрица, согласно этимъ „кондиціямъ“, обѣщается по принятіи русской короны во всю жизнь не вступать въ бракъ, и преемника ни при себѣ, ни по себѣ не назначать, а также править вмѣстѣ съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ „въ восьми персонахъ“ и безъ согласія его, ни съ кѣмъ войны не вчинать и мира не заключать, вѣрныхъ подданыхъ никакими новыми податями не отягошать и государственныхъ доходовъ въ расходъ не употреблять, въ придворные чины, какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ не производить, въ знатные чины, какъ статскіе, такъ и въ военные, сухопутные и морскіе „выше полковничьяго ранга“ никого не жаловать, наконецъ, у шляхетства „живота, имѣнія и чести“ безъ суда не отымать. Въ случаѣ нарушенія этихъ условій императрица лишалась короны россійской. Условія эти привезенныя въ Митаву послами Верховнаго Тайнаго Совѣта княземъ Долгорукимъ, княземъ Голицынымъ и генераломъ Леонтьевымъ, Анна Іоанновна подписала словами: „по сему обѣщаю все

безъ всякого изъятія содержать. Анна.“ Черезъ три она рѣшила выѣхать въ Москву, потребовавъ у посланцевъ Совѣта десять тысячъ рублей подъемныхъ. Началась новая, безславная глава исторіи Россіи.

II.

Анна Іоанновна родилась второй дочерью царя Іоанна Алексѣевича 28 января 1693 года и царицы Прасковьи Феодоровны, урожденной Салтыковой и росла при довольно неблагопріятныхъ условіяхъ тяжелой семейной обстановки. Слабый и нищій духомъ царь Іоаннъ не имѣлъ значенія въ семьѣ, а царица Прасковья не любила дочери. Естественно, поэтому, что царевна Анна не получила хорошаго воспитанія, которое могло бы развить ея природныя дарованья. Учителями ея были Дитрихъ Остерманъ, братъ вице-канцлера и Рамбурхъ, „танцовальный мастеръ“. Результаты такого обученія были ничтожны. Анна Іоанновна пріобрѣла нѣкоторыя познанія въ нѣмецкомъ языкѣ, а отъ танцовальнаго мастера могла научиться „тѣлесному благолѣпію и комплиментомъ чиномъ нѣмецкимъ и французскимъ“, но плохо и безграмотно писала

по русски. До семнадцатилѣтняго возраста Анна Іоанновна большей частью проводила время въ селѣ Измайловѣ, въ Москвѣ или Петербургѣ подъ надзоромъ тетки Екатерины и дяди, Петра Великаго, который, однако, не позаботился исправить остатки ея воспитанія и изъ за политическихъ расчетовъ выдалъ ее замужъ за курляндскаго герцога Фридриха Вильгельма, осенью 1710 года. Но вскорѣ послѣ шумной свадьбы, отпразднованной съ разными торжествами и „курьезами", 9-го января 1711 герцогъ заболѣлъ и умеръ. Съ тѣхъ поръ Анна провела 19 лѣтъ въ Курляндіи. Еще молодая, но овдовѣвшая, герцогиня жила здѣсь не особенно веселой жизнью; она нуждалась въ матерьальныхъ средствахъ и поставлена была въ довольно щекотливое положеніе среди иноземцевъ въ странѣ, „которая была постояннымъ яблокомъ разрода между сильными сосѣдями — Россіей, Швеціей, Пруссіей и Польшей". Со смертью Фридриха Вильгельма и послѣ ссоры его преемника Фердинанда съ курляндскимъ рыцарствомъ, претендентами на курляндское герцогство явились кн. А. Д. Меншиковъ и Морицъ Саксонскій, побочный сынъ короля

Августа II. Морицъ притворялся даже влюбленнымъ въ Анну; но планы его разстроены были благодаря вмѣшательству Петербургскаго кабинета. Во время пребыванія своего въ Курляндіи, Анна Іоанновна жила преимущественно въ Митавѣ. Сблизившись въ 1727 году съ Э. І. Бирономъ и окруженная небольшимъ штатомъ придворныхъ, въ числѣ которыхъ особеннымъ значеніемъ пользовался Петръ Михайловичъ Бестужевъ съ сыновьями, Михаиломъ и Алексѣемъ, она находилась въ мирныхъ отношеніяхъ къ курляндскому дворянству, котя и не прерывала связей съ Россіей, куда ѣздила изрѣдка, напримѣръ въ 1728 году, на коронацію Петра II, внезапная смерть котораго въ 1730 году измѣнила судьбу герцогини. Старая знать хотѣла воспользоваться преждевременной кончиной Петра Алексѣевича для осуществленія своихъ политическихъ притязаній.

Избраніе герцогини Анны Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, скоро ставъ извѣстнымъ, вызвало въ Москвѣ необычайное движеніе. Случайное обстоятельство придало ему не мѣстное только московское, но и общерусское значеніе. На тотъ самый день 19 января,

когда умеръ императоръ, назначена была его свадьба съ княжной Долгорукой. Вслѣдъ за полками съ ихъ генералами и офицерами въ Москву въ ожиданіи придворныхъ празднествъ наѣхало множество провинціальнаго дворянства. Собравшись на свадьбу н попавъ на похороны, дворяне очутились въ водоворотѣ политической борьбы. Замыселъ верховниковъ сначала встрѣченъ былъ въ обществѣ глухимъ ропотомъ. Современникъ, зорко слѣдившій за тогдашними событіями, и принимавшій въ нихъ дѣятельное участіе противъ верховниковъ, архіепископъ новгородскій Ѳеофанъ Прокоъовичъ живо рисуетъ въ своей запискѣ ходъ движенія. „Жалостное вездѣ по городу видѣніе стало и слышаніе; куда не прійдешь, только горестныя нареканія на осьмиличныхъ оныхъ затѣйщиковъ; всѣ ихъ жестоко порицали, всѣ проклинали необычное ихъ дерзновеніе, несытое лакомство и властолюбіе.“ Съѣхавшіеся въ Москвѣ дворяне разбивались на кружки, собирались по ночамп и вели оживленные толки противъ верховниковъ; Ѳеофанъ насчитывалъ до 500 человѣкъ, захваченныхъ агитаціонной горячкой. Вожаки, „знатнѣйшіе

изъ шляхетства“, составили оппозиціонный союзъ, въ которомъ боролись два мнѣнія: сторонники одного, „дерзкаго“, думали внезапно напасть на верховниковъ съ оружіемъ въ рукахъ и перебить ихъ всѣхъ, если они не захотятъ отстать отъ своихъ умысловъ; приверженцы другого мнѣнію, „кроткаго“, хотѣли явиться въ Верховный Тайный Совѣтъ и заявить, что не дѣло немногихъ составъ государства передѣлывать и вести такое дѣло тайномъ отъ другихъ, даже отъ правительствующихъ особъ: „непріятно то и смрадно пахнетъ“. Но Ѳеофанъ провѣдалъ что энергія оппозиціи съ каждымъ днемъ „знатно простывала“ отъ внутреннаго разлада; слабѣйшая частъ ея, консервативная, хотѣла во что бы то ни стало сохранить старое прародительское самодержавіе; сильнѣйшая и либеральная сочувствовала предпріятію верховниковъ, но была лично раздражена противъ нихъ за то, что ихъ „въ дружество свое не призвали“. Однако и въ этой либеральной части иноземные послы не замѣчали единомыслія. „Здѣсь, писалъ изъ Москвы секретарь французскаго посольства Маньянъ, на улицахъ и въ домахъ только и слышны

рѣчи объ англійской конституціи и о правахъ англійскаго парламента.“ Прусскій посолъ Мардефельдъ писалъ своему двору, что вообще всѣ русскіе, т. е. дворяне, желаютъ свободы, только не могутъ сговориться насчетъ ея мѣры и степени ограниченія абсолютизма. „Партій безчисленное множество, писалъ въ январѣ испанскій посолъ де-Лиріа, и хотя пока все спокойно, но пожалуй можетъ произойти какая нибудь вспышка.“ Прежде всего, разумѣется, обратились къ Западу — какъ тамъ? Глаза разбѣгались по тамошнимъ конституціямъ, какъ по красивымъ вещемъ въ ювелирномъ магазинѣ, — одна другой лучше — и неудомѣвали, которую выбрать. Всѣ заняти теперь мыслью о новомъ образѣ правленія, читаемъ въ депешахъ иноземныхъ пословъ: планы вельможъ и мелкаго дворянства разнообразны до безконечности; всѣ въ нерѣшительности, какой образъ правленія избрать для Россіи: одни хотятъ ограничить власть государя правами парламента какъ въ въ Англіи, другіе — какъ въ Швеціи, третьи хотятъ устроить избирательное правленіе, какъ въ Польшѣ; наконецъ, четвертые желаютъ аристократической республики безъ

монарха. При отсутствіи политическаго глазомѣра, при непривычкѣ измѣрять политическія разстоянія, такъ недалеко казалось отъ пыточнаго застѣнка до англійскаго парламента. Но при такомъ разбродѣ мнѣній передъ глазами всѣхъ стояло пугало, заставлявшее несогласныхъ тѣснѣе жаться другъ къ другу: это фаворъ, болѣзнь разпущенной и неопрятной власти. Испытавъ возвышеніе Долгорукихъ, писали послы, русскіе бояться могущества временщиковъ и думаютъ, что при абсолютномъ царѣ всегда найдется фаворитъ, который будетъ управлять ими и жезломъ и пыркомъ, и швыркомъ, какъ дѣлали при покойномъ Петрѣ II Долгорукіе. Значитъ дворянство не было противъ идеи ограниченія власти, какъ предохранительнаго средства отъ временщиковъ. Но его возмущалъ замыселъ верховниковъ, какъ олигархическая затѣя, грозившая замѣнить власть одного лица произволомъ стольких тирановъ, сколько членовъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. По выраженію историка и публициста екатириненскаго времени кн. Щербатова, верховники изъ себя самыхъ „вмѣсто одного, толпу государей сочинили“. Такъ же

413462

смотрѣли на дѣло въ 1730 году. Въ одной запискѣ, которая ходила тогда по рукамъ въ формѣ письма кому-то въ Москву отъ лица средняго шляхетства, читаемъ: „Слышно здѣсь, что дѣлается у васъ или уже и сдѣлано, чтобы быть у насъ республикѣ; я зѣло въ томъ сумнителенъ: Боже сохрани, чтобы не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій, и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно.“ Броженіе достигло крайней степени, когда на торжественномъ засѣданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта 2 февраля Сенату, Синоду, генералитету, президентамъ коллегій и прочимъ штатскимъ чинамъ прочитали подписанныя Анной кондиціи и будто бы ея письмо, разумѣется заранѣе заготовленное отъ ея имени въ Москвѣ, въ которомъ, соглашаясь на свое избраніе, она заявляла, что „для пользы россійскаго государства и ко удовольствованію вѣрныхъ подданныхъ“ написала и подписала, какими способами она то правленіе вести хощетъ. Обязательства,

поставленныя Аннѣ непремѣннымъ условіемъ ея избранія, оказались теперь ея добровольной жертвой на благо государства. Это шитое бѣлыми нитками коварство привело собраніе въ крайнее изумленіе. По изобразительномъ описаніи Ѳеофана Прокоповича, всѣ опустили уши, какъ бѣдные ослики, перешептывались, а съ негодованіемъ откликнуться никто не смѣлъ. Самые верховные господа тоже тихо другъ къ другу пошептывали и, остро глазами посматривая, притворялись, будто и они удивлены, такой неожиданностью. Одинъ князь Д. М. Головинъ часто похаркивалъ и выкрикивалъ, „до сытости“ повторяя на разные лады: вотъ де какъ милостива государыня; Богъ ее подвинулъ къ сему писанію; отселѣ счастливая и цвѣтущая будетъ Россія. Но какъ всѣ упорно молчали, онъ съ укоромъ заговорилъ: „Что же никто слова не промолвитъ? Извольте сказать, кто что думаетъ, хоть впрочемъ и сказать-то нечего, а только благодарить государыню.“ Наконецъ кто-то изъ кучи такимъ голосомъ и съ большой запинкой промовлилъ: „Не вѣдаю и весьма дивлюсь, отчего на мысль пришло государынѣ такъ писать.“ Но

этотъ робкій голосъ не нашелъ отзвука. Заготовили и предложили подписать протоколъ засѣданія, въ которомъ значилось: выслушавъ присланные императрицей письмо и пункты, всѣ согласно объявили, „что тою Ея Величества милостью весьма довольны и подписуемся своими руками". Тутъ уже и бѣдные ослики потеряли терпѣніе и отказались подписаться, заявивъ, что сдѣлаютъ это черезъ день. Всѣ словно вдругъ постарѣли, „дряхлы и задумчиво ходили", разсказываетъ Ѳеофанъ. Слышкомъ ужъ сильно ударили по холопьему чувству; никто не ожидалъ, что такъ жестоко скрутятъ императрицу. Верховниковъ спрашивали, какъ же то правленіе впредь быть имѣетъ. Вмѣсто того, чтобы заявить, что отвѣтъ на этотъ вопросъ уже данъ самой Анной въ письмѣ и пунктахъ и что воля ея не подлежитъ пересмотру, Голицынъ предоставилъ присутствующимъ написать объ этомъ проектъ отъ себѣ и подать на другой день. Этимъ онъ вскрылъ плохо вскрываемыя карты. Доселѣ дѣло носило какъ будто корректный видъ. Верховный Тайный Совѣтъ, фактически оставшися единственнымъ органомъ верховнаго управленія, избралъ на безнаслѣдный

престолъ царевну Анну; всѣ высшіе чины до бригадира, считавшіеся должностными представителями народа, „всего отечества лицо на себѣ являющими“, по выраженію Прокоповича, единогласно одобрили выборъ Совѣта. Нежданная, не оказавшаяся желанная избранница по праву великодушія принесла на пользу отечества уцѣлѣвшіе послѣ Петра I обноски предковскаго самодержавія и въ подписанныхъ собственноручно пунктахъ указала, какими способами хочетъ она повести свое правленіе. Милостивый даръ не разсматриваютъ какъ покупный товаръ, а просто пріемлютъ съ подобающимъ благодареніемъ. А Голицынъ бросилъ этотъ даръ на обсужденіе высшихъ чиновъ вплоть „до бригадира“ и тѣмъ обнаружилъ, что кондиціи — не великодушный даръ императрицы народу, а ея закулисная сдѣлка съ верховниками. Пьеса ставилась на шаткіе подноски: въ обстановкѣ поддѣльной законности разигрывалась простенькая неподдѣльная придворная плутня. Притомъ дѣло о регулированіи личной верховной власти запутывалось, расплываясь въ общій пересмотръ государственныхъ учрежденій. Вынужденное или неосторожное предложеніе Голицына

вызвало бурный откликъ: началась горячка мнѣній, записокъ, устныхъ заявленій о новомъ образѣ правленія, которыми всѣ чины до полковника и даже шляхетство безчиновное осаждали Совѣтъ. Верховникамъ пришлось выслушать и прочитать кучу огорченій. Смятеніе дошло до того, что можно было опасаться возстанія. Верховный Совѣтъ хотѣлъ припугнуть расходившихся политиковъ, напомнивъ имъ, чго у него на мятежниковъ есть полководцы, сыщики, пытки. Тогда оппозиція превратилась въ конспирацію: люди слабые, „малопомощные", по выраженію Прокоповича, безъ положенія и связей. собирались тайкомъ, боялись ночевать дома, перебѣгали отъ одного знакомаго къ другому и то ночью, переодѣтые.

Пока шляхетство въ своихъ проектахъ спѣшило заявить свои сословныя желанія, князь Д. Голицынъ вырабатывалъ и обсуждалъ съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ планъ настоящей конституціи. По этому плану императрица распоряжается только своимъ дворомъ. Верховная власть принадлежитъ Верховному Тайному Совѣту въ составѣ десяти или двѣнадцати членовъ изъ знатнѣйшихъ

фамилій; въ этомъ совѣтѣ императрицѣ удѣлено только два голоса; совѣтъ начальствуетъ надъ всѣми войсками: все по примѣру шведскаго государственнаго совѣта во время его борьбы съ сеймовымъ дворянствомъ въ 1719—20 гг. Подъ Совѣтомъ дѣйствуютъ у Голицына еще три учрежденія: 1) Сенатъ изъ 36 членовъ, предварительно обсуждающій всѣ дѣла, рѣшаемыя Совѣтомъ; 2) шляхетская камера изъ 200 членовъ по выбору шляхетства охраняетъ права сословія отъ посягательства со стороны Верховнаго Совѣта, и 3) Палата городскихъ представителей завѣдуетъ торговыми и промышленными дѣлами и оберегаетъ интересы простого народа. Итакъ знатнѣйшія фамиліи правятъ, а шляхетскіе представители наравнѣ съ купеческими обороняются и обороняютъ народъ отъ этого правленія. Этотъ планъ не тушилъ пожара, а только подливалъ боярское масло въ дворянскій огонь. Старый Донъ-Кихотъ отпѣтаго московскаго дворянства въ виду надвигавшейся изъ Митавы своей избраницы пошелъ наконецъ на уступки, рѣшился немного приотворить двери ревниво замыкаемаго верховнаго управленія и даже допустить нѣчто похожее

на предславительство народныхъ интересовъ, идея котораго была такъ трудна для сознанія господствующихъ классовъ. Еще шире захватываетъ онъ интересы общественныхъ классовъ въ составленной имъ формѣ присягѣ императрицѣ. Онъ и здѣсь упрямо стоитъ на аристократическомъ составѣ и на монополіи законодательной власти Верховнаго Тайнаго Совѣта, но расточаетъ важныя льготы и преимущества духовенству, купечеству, особенно знатному шляхетсву и суулитъ всему дворянству то, о чемъ оно не осмѣливалось просить въ своихъ проектахъ: полную свободу отъ обязательной службы съ правомъ поступать добровольно во флотъ, армію и даже въ гвардію прямо офицерами. Эта своего рода партія сословныхъ вольностей шляхетства вѣнчалась обѣщаніемъ, особенно для него желаннымъ — дворовыхъ людей и крестьянъ ни къ какимъ дѣламъ не допускать. Петровскому крестьянину Посошкову и цѣлому ряду административныхъ и финансовыхъ дѣятелей, выведенныхъ Петромъ Великимъ изъ боярской дворни, произносилось политическое отлученіе.

Политическая драма князя Голицына,

„плохо срепетованная и еще хуже разыгранная“, быстро дошла до эпилога. Раздоръ въ правительственныхъ кругахъ и настроеніе гвардіи ободрили противниковъ ограниченія, доселѣ таившихся или притворно примыкавшихъ къ опозиціи. Составилась особая партія или „другая кампанія“, по выраженію Ѳеофана, столь-же сдѣланнаго состава, какъ и прочія: въ нее вошли родственники императрицы и ихъ друзья, обиженные сановники, какъ князь Черкавскій, Трубецкой, которыхъ Верховный Тайный Совѣтъ не пустилъ въ свой составъ; къ нимъ примкнули люди нерѣшительные или равнодушные. Тутъ ожилъ и Остерманъ: все время онъ сидѣлъ дома больной, совсѣмъ собрался умирать, причастился и чуть ли не соборовался, но теперь всталъ вдохновителемъ новой компаніи. Отношенія, интересы и лица выяснились и немудрено было согласить компанейщиковъ, увѣривъ ихъ, что отъ самодержавной императрицы они скорѣе добьются желаемаго, чѣмъ отъ самовластнаго Верховнаго Совѣта, сенаторовъ утѣшилъ возстановленіемъ Сената въ значеніи верховнаго правленія, генералитетъ и гвардейцевъ избавленіемъ отъ команды

верховниковъ, всѣхъ упраздненіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Колоколомъ партіи былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ: онъ измучился, звоня по всей Москвѣ о тиранствѣ, претерпѣваемомъ отъ верховниковъ государыней, которую стерегущій ее драконъ В. Л. Долгорукій довелъ до того, что она „насилу дышетъ“. Владыка самъ испугался успѣха своей пастырской проповѣди, замѣтивъ, что многіе, ею распаленные, „нѣчто весьма страшное умышляютъ“. Подъѣзжая въ Москвѣ, Анна сразу почувствовала подъ собою твердую почву, подготовленную конспиративной агитаціей слывшаго безбожникомъ нѣмца и первоприсутствующаго въ Св. Синодѣ русскаго архіерея, и смѣло стала во главѣ заговора противъ самой себя, противъ своего честнаго митавскаго слова. Въ подмосковскомъ Всесвятскомъ вопреки пунктамъ она объявила себя подполковникомъ Преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ, собственноручно угостивъ ихъ водкой, что было принято съ величайшемъ восторгомъ. Еще до пріѣзда Анны гвардейскіе офицеры открыто говорили, что скорѣе согласятся быть рабами одного тирана, чѣмъ многихъ. Анна тор-

жественно въѣхала въ Москву 15 февраля, и въ тотъ же день высокіе чины въ Успенскомъ соборѣ присягали просто государынѣ, не самодержицѣ, да „отечеству“ — и только. Не замѣчая интриги, зароившейся вокругъ Анны, сторонники Верховнаго Тайнаго Совѣта ликовали, разсказывали, что наконецъ — таки настало прямое, порядочное правленіе; императрицѣ назначаютъ 100 тысячъ рублей въ годъ и больше ни копѣйки, ни послѣдней табакерки изъ казны безъ позволенія Совѣта, да и то подъ расписку; чуть-что, хоть въ маломъ что нарушитъ данное ей положеніе — сейчасъ обратно въ свою Курляндію; и что она сдѣлана государыней, и не только на первое время помазка по губамъ. Но верховники уже не вѣрили въ удачу своего дѣла и по слухамъ будто бы сами предлагали Аннѣ самодержавіе. И вотъ 25 февраля сотъ восемь сенаторовъ, генечаловъ и дворянъ въ большой дворцовой залѣ подали Аннѣ прошеніе образовать комиссію для пересмотра проектовъ представленныхъ Верхному Тайному Совѣту, чтобы установить форму правленія, угодную всему народу. Императрица призывалась стать посредницей въ своемъ

собственномъ дѣлѣ между верховниками и противниками. Одинъ изъ верховниковъ предложилъ Аннѣ, согласно кондиціямъ, предварительно обсудить прошеніе вмѣстѣ съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ; но Анна, еще разъ нарушая слово, тутъ же подписала бумага. Верховники остолбенѣли, Но вдругъ поднялся невообразимый шумъ: это гвардейскіе офицеры, уже надлежаще настроенные, съ другими дворянами принялись кричать въ перебой: „Не хотимъ, чтобы государынѣ предписывали законы, она должна быть самодержицей, какъ были всѣ прежніе государи.“ Анна пыталась унять крикуновъ, а они на колѣна передъ ней съ изступленной отповѣдью о своей вѣрноподданнической службѣ и съ заключительнымъ возгласомъ: „Прикажите, и мы принесемъ къ Вашимъ ногамъ головы Вашихъ злодѣевъ.“ Въ тотъ же день послѣ обѣденнаго стола у императрицы, къ которому приглашены были и верховники, дворянство подало Аннѣ другую просьбу съ 150 подписями, въ которой „всепокорнѣйшіе рабы“ всеподданнѣйше приносили и всепокорно просили всемилостивѣйше принять самодержавство своихъ славныхъ и досто-

хвальныхъ предковъ, а присланные отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и ею подписанные пункты уничтожить. „Какъ, съ притворнымъ удивленія простодушнаго невѣдѣнія спросила Анна: развѣ эти пункты не были составлены по желанію всего народа?“ — Нѣтъ, былъ отвѣтъ. — „Такъ ты меня обманулъ, князь Василій Лукичъ....“ сказала Анна Долгорукому. Она велѣла принести подписанные ею въ Митавѣ пункты и тутъ же при всѣхъ разорвала ихъ. Все время верховники, по выраженію одного иноземнаго посла, не пикнули, а то бы офицеры гвардіи побросали ихъ въ окно. А перваго марта по всѣмъ соборамъ и церквамъ „паки“ присягали уже самодержавной императрицѣ: вѣрноподданнической совѣстью помыкали и налѣво, и направо съ благословенія духовенства. Такъ кончилась десятидневная конституціонно-аристократическая русская монархія XVIII вѣка, сооруженная четырехъ-недѣльнымъ временнымъ правленіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Но возстановляя самодержавіе, дворянство не отказывалось отъ участія въ управленіи; въ той-же послѣобѣденной петиціи 25 февраля оно просило, упразднивъ Верховный Тайный Со-

вѣтъ, возвратить прежнее значеніе Сенату изъ 21 члена, предоставить шляхетству выбирать баллотированіемъ сенаторовъ, коллежскихъ президентовъ и даже губернаторовъ и согласно дообѣденной челобитной установить форму правленія для предбудущаго времени. Если бы это ходатайство было уважено, центральное и губернское управленіе составилось бы изъ выборныхъ агентовъ дворянства въ родѣ екатериненскихъ капитанъ-исправниковъ. Россійская имперія не стала „сестрицей Польши и Швеціи“, какъ надѣялся Фикъ; зато рядомъ съ республикански-шляхетской Польшей стала Россія самодержавно-шляхетская. Движеніе, во главѣ котораго сталъ Голицынъ, ровно ничего не дало для народной свободы.

III.

Царствованіе Анны Іоанновны — одна изъ мрачныхъ страницъ русской исторіи и наиболѣе темное пятно на ней — сама императрица. Вотъ какъ описываютъ ее современники. Рослая и тучная, съ лицомъ болѣе мужскимъ, чѣмъ женскимъ, черствая по природѣ и еще болѣе очерствѣвшая при раннемъ вдовствѣ среди дипломатическихъ козней и придворныхъ приключеній въ Курляндіи, гдѣ ею помыкали какъ русско-прусско-польской игрушкой, она, имѣя уже 37 лѣтъ, привезла въ Москву злой и малообразованный умъ съ ожесточенной жаждой запоздалыхъ удовольствій и грубыхъ развлеченій. Выбравшись случайно изъ бѣдной митавской трущобы на широкій просторъ безотчетной русской власти, она отдалась празднествамъ и увеселеніямъ, поражавшимъ иноземныхъ наблюдателей мотовствомъ роскошью и безвкусіемъ. Въ еже-

дневномъ обиходѣ она не могла обойтись безъ шутихъ-трещетокъ, которыхъ разыскивала чуть не по всѣмъ угламъ имперіи: онѣ своей неумолкаемой болтовней угомоняли въ ней ѣдкое чувство одиночества, отчужденія отъ своего отечества, гдѣ она должна всего опасаться; большимъ удовольствіемъ было для нея унизить человѣка, полюбоваться его униженіемъ, потѣшиться надъ его промахомъ, хотя она и сама однажды повелѣла составить Св. Синодъ въ числѣ 11 человѣкъ изъ двухъ равныхъ половинъ, великороссійской и малороссійской. Не довѣряя русскимъ, Анна поставила на стражѣ своей безопасности иноземцевъ, навезенныхъ изъ Москвы и изъ разныхъ нѣмецкихъ угловъ. Нѣмцы посыпались въ Россію точно ссоръ изъ дыряваго мѣшка, облѣпили дворъ, обсѣли престолъ, забирались на всѣ доходныя мѣста въ управленіи. Этотъ сбродный налетъ состоялъ изъ „клеотуръ“ двухъ сильныхъ патроновъ, „канальи курляндца“, умѣвшаго только разыскивать породистыхъ собакъ, какъ отзывались о Биронѣ, и другого канальи, лифляндца, подмастерья и даже конкуррента Бирону въ фаворѣ, графа Левенвольда, обершталмейстера, человѣка

лживаго, страстнаго игрока и взяточника. При разгульномъ дворѣ, то и дѣло увеселяемомъ блестящими празднествами, какія мастерилъ другой Левенвольдъ, обер-гофмаршалъ, перещеголявшій злокачественностью и своего брата, вся эта стая кормилась досыта и веселилась до упаду на доимочныя деньги, выколачиваемыя изъ народа. Недаромъ дворъ при Аннѣ обходился впятеро дороже, чѣмъ при Петрѣ, хотя государственные доходы не возрастали, а скорѣе убавлялись. При неслыханной роскоши двора въ казнѣ, писали послы, нѣтъ ни гроша, а потому никому ничего не платятъ. „Между тѣмъ управленіе велось безъ всякого достоинства. Верховный Тайный Совѣтъ былъ упраздненъ, но и Сенатъ съ расширеннымъ составомъ не удержалъ прежняго первенствующаго значенія. Надъ нимъ сталъ въ 1731 году трехчленный Кабинетъ министровъ, твореніе Остермана, который и сѣлъ въ немъ полновластнымъ и негласнымъ вдохновителемъ своихъ ничтожныхъ товарищей, князя Черкаскаго и канцлера Головкина. Кабинетъ, не то личная контора императрицы, не то пародія Верховнаго Тайнаго Совѣта; онъ обсуждалъ важнѣйшія дѣла

законодательства, а также выписывалъ зайцевъ для двора и просматривалъ счета за кружева для государыни. Какъ непосредственный и безотвѣтственный органъ верховной власти, лишенный всякого юридическаго облика, Кабинетъ путалъ компетенцію и дѣлопроизводство правительственныхъ учрежденій, отражая въ себѣ закулисный умъ своего творца и характеръ темнаго царствованія. Высочайшіе манифесты превратились въ афиши непростойнаго самосхваленія и въ травлю русской знати передъ народомъ. Казнями и крѣпостями изводили самыхъ видныхъ русскихъ вельможъ, Голицыныхъ и цѣлое гнѣздо Долгорукихъ. Тайная розыскная канцелярія, возродившаяся изъ закрытаго при Петрѣ II Преображенскаго приказа, работала безъ устали, доносами и пытками поддерживая должное уваженіе къ предержащей власти и охраняя ея безопасность; шпіонство стало наиболѣе поощряемымъ государственнымъ служеніемъ. Всѣ казавшіеся опасными или неудобными, подвергались изъятію изъ общества не исключая и архіереевъ; одного священника даже посадили на колъ. Ссылали массами и ссылка даже получила утонченно

жестокую разработку. Всѣхъ сосланныхъ при Аннѣ въ Сибирь считалось свыше 20000 человѣкъ; изъ нихъ 5000 было такихъ, о которыхъ нельзя было сыскать никакого слѣда, куда они сосланы. Зачастую ссылали безъ всякой записи въ надлежащемъ мѣстѣ и съ перемѣной именъ ссыльныхъ, не сообщая о томъ даже Тайной Канцеляріи: человѣкъ пропадалъ безъ вѣсти. Между тѣмъ народное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государственное хозяйство разстроивалось. Торговля упала: обширныя поля оставались необработанными по пяти и по шести лѣтъ; жители пограничныхъ областей отъ невыносимаго порядка военной службы бѣжали за-границу, такъ что многія провинціи точно войной или опустошены, какъ писали иноземные наблюдатели. Источники казаннаго дохода были крайне истощены, платежныя силы народа изнемогли; въ 1732 году по смѣтѣ ожидалось дохода отъ таможенныхъ и другихъ коснныхъ налоговъ до 2½ милліоновъ рублей, а собрано было всего лишь 187 тысячъ. На многомилліонныя недоимки и разбѣжались глаза у Бирона. Подъ стать невзгодамъ, какими тогда посѣтила Россію природа, неурожаямъ,

голоду, повальнымъ болѣзнямъ, пожарамъ, устроена была доимочная облава на народъ: снаряжались вымогательныя экспедиціи; неисправныхъ областныхъ правителей ковали въ цѣпи, помѣщиковъ и старость въ тюрьмахъ морили голодомъ до смерти, крестьянъ били на правежѣ и продавали у нихъ все, что попадалось подъ руку. Повторялись татарскія нашествія, только изъ очественной столицы. Стонъ и воплъ пошелъ по странѣ. Въ разныхъ классахъ народа толковали: Биронъ и Минихъ великую силу забрали и всѣ отъ нихъ пропали, овладѣли всѣмъ у насъ иноземцы: тирански собирая съ бѣдныхъ подданныхъ слезныя и кровавыя подати, употребляютъ ихъ на объяденіе и пьянство; русскихъ крестьянъ считаютъ хуже собакъ; пропащее наше государство .... Хлѣбъ не родится, потому что женскій полъ царствомъ владѣетъ; какое нынѣ житье за бабой? Народная ненависть къ нѣмецкому правительству росла; но она имѣла надежную опору въ русской гвардіи. Въ первый же годъ царствованія ее подкрѣпили третьимъ пѣхотнымъ полкомъ, сформированнымъ изъ украинской мелкошляхетской милиціи; въ подражаніе старымъ

полкамъ Петра I новый былъ названъ Измайловскимъ по подмосковному селу, гдѣ любила жить Анна. Полковникомъ назначенъ упомянутый молодецъ оберъ-шталмейстеръ Левенвольдъ и ему же поручили набрать офицеровъ въ полкъ изъ лифляндцевъ, эстляндцевъ, курляндцевъ и иныхъ націй иноземцевъ, между прочимъ и изъ русскихъ. Это была уже прямая угроза всѣмъ русскимъ, наглый вызовъ національному чувству. Подпирая собой иноземное иго, гвардія услужила бироновщинѣ и во взысканіи недоимокъ: гвардейскіе офицеры ставились во главѣ вымогательныхъ отрядовъ. Любимое дѣтище Петра, цвѣтъ созданнаго имъ войска, гвардеецъ, явился жандармомъ и податнымъ палачомъ пришлаго проходимца. Лояльными гвардейскими штыками покрывались ужасы, какихъ надѣлали разнузданные народнымъ безсиліемъ пришельцы. Еще при самомъ началѣ нѣмецкихъ неистовствъ, польскій посолъ, прислушиваясь къ толкамъ про нѣмцевъ въ народѣ, выразилъ секретарю французскаго посольства опасеніе, какъ бы русскіе не сдѣлали теперь съ нѣмцами того-же, что они сдѣлали съ поляками при Лжедимитріи. — „Не безпокойтесь, воз-

разилъ Маньянъ: тогда у нихъ не было гвардіи.“ Дорого заплатила дворянская гвардія за свое всеподданнѣйшее прошеніе 25 февраля 1730 о возстановленіи самодержавіи и за великолѣпный обѣдъ, данный за это императрицей гвардейскимъ офицерамъ 4 апрѣля того же года, удостоивъ ихъ при этомъ чести обѣдать вмѣстѣ съ ними: нѣмцы показали этой гвардіи изнанку возстановленнаго ею русскаго самодержавія.

А между тѣмъ императрица „развлекалась со своими любимцами и любовниками. Необыкновенная роскошь проявленная дворомъ того времени мирилась нерѣдко съ безвкусіемъ и плохо прикрывала грязь; западноевропейское платье и свѣтская вѣжливость не всегда сглаживало природную грубость нравовъ, которая такъ рѣзко сказывалась въ характерѣ придворныхъ развлеченій того времени. Императрица оказывала свое покровительство святошамъ и приживалкамъ, держала при дворѣ разныхъ шутовъ, какъ князя Волконскаго, князя Голицына, Апраксина, Балакирева, Косту, Педрилло, устраивала „машкерады“ и курьезныя процессіи, которыя состоялись по случаю женитьбы шута князя

Голицына и постройки ледянаго дома въ концѣ зимы 1739 года. Такимъ образомъ придворная жизнь того времени уже не регулировалась строгимъ и скучнымъ ритуаломъ московскаго терема, но и не привыкла еще къ утонченнымъ формамъ западно-европейскаго придворнаго быта. Одаренная чувствительнымъ сердцемъ и природнымъ умомъ, Анна Іоанновна, какъ отецъ ея, лишена была, однако твердой воли, а поэтому легко миралась съ той первенствующей ролью, какую игралъ ея любимецъ Биронъ при дворѣ и въ управленіи. Подобно дѣду, царю Алексѣю Михайловичу, она охотно бесѣдовала съ монахами, любила церковное благолѣпіе, но съ другой стороны страстно увлекалась стрѣльбою въ цѣль, псарнями, травлей и звѣринцами. Старый московскій дворцовый чинъ не могъ уже удовлетворять новымъ потребностямъ придворной жизни 18-го вѣка.

Несмотря на неудавшееся политическое движеніе дворянства въ самомъ началѣ царствованіи Анны Іоанновны, тѣмъ не менѣе въ его положеніи произошли перемѣны политическаго и политическаго свойства, перемѣны, благодаря которымъ существенно измѣнилось

и его служебное значеніе. Эти перемѣны вызваны были съ одной стороны помимо правительства тѣмъ участіемъ какое принимало дворянство въ дворцовыхъ переворотахъ со смерти Петра, съ другой, стремленіе самаго правительства облегчить сильное напряженіе, въ какомъ находилось народное хозяйство со времени Царя-Преобразователя. Подъ вліяніемъ этихъ причинъ облегчена была военная служба. Манифестомъ 31 декабря 1736 года дозволено одному изъ шляхетскихъ сыновей „кому отецъ заблагоразсудитъ, оставаться дома для содержанія экоміи“; однако этотъ сынъ долженъ былъ обучаться грамотѣ и, по крайней мѣрѣ арифметикѣ лля того, чтобы быть годнымъ къ гражданской службѣ. Жалованіе тѣхъ изъ шляхтскихъ лѣтей, которыя отправлялись на службу, еще съ января 1732 года сравнено было съ жалованіемъ иностранцевъ, а манифестомъ 31 декабря сама служба ихъ ограничена 25-ти лѣтнимъ срокомъ, считая ее дѣйствительной съ 20-ти лѣтняго возраста. Вмѣстѣ съ облегченіемъ службы увеличены привилегіи землевладѣльцевъ. Указомъ 1831 года отмѣненъ законъ о единонаслѣдствіи,

т. е. маіоратѣ, окончательно уравнены помѣстья съ вотчинами, опредѣленъ порядокъ наслѣдованія супруговъ, причемъ вдова получаетъ 1/7 подвижимой и 1/4 движимой собсвенности покойнаго мужа даже и въ томъ случаѣ, если вступала во второй бракъ. Военная служба была тяжела не только для дворянъ, но и для крестьянъ, которые нанимали рекрутовъ за большія деньги, т. е. въ среднемъ по 150 рублей за каждаго. Въ 1732 году Минихомъ предложено сбирать рекрутовъ 15—30 лѣтъ по жребію съ крестьянскихъ семей, гдѣ находится болѣе одного сына или брата, и выдавать рекрутамъ увѣрительныя письма въ томъ, что если онъ прослужитъ десять лѣтъ рядовымъ и не получитъ повышенія, то можетъ выйти въ отставку. Но если во внутренной дѣятельности правительства замѣтны довольно значительныя отступленія отъ взглядовъ Петра, то въ отношеніяхъ къ Малороссіи и во внѣшней политикѣ оно, напротивъ стремилось выполнить Петровскіе планы. Правда, Анна отказалась отъ мысли утвердиться на берегахъ Каспійскаго моря и въ началѣ 1732 года возвратило Персіи завоеванныя у нея Петромъ

области. За то въ Малороссіи, по смерти гетмана Апостола въ 1734 году не назначили, а учредили „правленіе гетманскаго уряда“ изъ шести персонъ, трехъ великоруссовъ и трехъ малоруссовъ, которые подъ вѣдѣніемъ Сената, но въ „особливой конторѣ“ управляли Малороссіей. Въ отношеніяхъ къ Польшѣ и Турціи также продолжали дѣйствовать прежнія начала Петровской политики. По смерти Августа II, Россія въ союзѣ съ Австріей стремилась водворить на польскомъ престолѣ сына его Августа III, который обѣщалъ содѣйствовать русскимъ видамъ на Курляндію. Но Станиславъ Лещинскій продолжалъ высказывать свои претензіи на польскій престолъ, а бракосочетаніи его дочери Маріи съ Людовикомъ XV усилило вліяніе его партіи. Тогда польская партія, сочувствовшая избранію Августа, сама обратилась съ просьбой о помощи къ императрицѣ, которая не замедлила воспользоваться такимъ случаемъ. Вслѣдъ за появленіемъ двадцатитысячнаго русскаго войска подъ начальствомъ графа Ласси, въ Литвѣ состоялось избраніе Августа. Станиславъ Лещинскій бѣжалъ въ Данцигъ. Сюда же прибилъ Ласси, но осада города пошла

удачно лишь съ пріѣздомъ Миниха и съ появленіемъ русскаго флота городъ сдался и Лещинскій принужденъ бѣжать. Осада Данцига продолжалась 135 дней и стоила русскимъ войскамъ болѣе 8000 человѣкъ, а съ города былъ взятъ милліонъ червонцевъ контрибуціи. Но русскія силы не столько нужны были на сѣвѣро-западѣ, сколько на юго-востокѣ. Петръ Великій не могъ безъ досады вспомнить о прутскомъ мирѣ и, повидимому предполагалъ начать новую войну съ Турціей; въ нѣсколькихъ стратегическихъ пунктахъ южной Украйны онъ заготовилъ значительное количество разнаго рода военныхъ припасовъ, которые при обозрѣніи ихъ генералъ-инспекторомъ Кейтомъ въ 1732 г. оказались, однако, почти всѣ сгнившими и испортившимися. Ближайшимъ поводомъ къ объявленію войны послужили набѣги татаръ на Украйну. Правительство воспользовалось временемъ, когда турецкій султанъ занятъ былъ тяжелой войной съ Персіей и когда крымскій ханъ находился въ отлучкѣ съ отборными войсками въ Дагестанѣ, для открытія военныхъ дѣйствій. Тѣмъ не менѣе первая экспедиція генерала Леонтьева въ Крымъ съ 20000 войскъ ока-

залать неудачной. Леонтьевъ потерялъ слишкомъ 9000 человѣкъ безъ всякихъ результатовъ. Дальнѣйшія дѣйствія были удачнѣе; они частью обращены были на Азовъ, частью на Крымъ. Азовская армія находилась подъ начальствомъ Ласси, который послѣ довольно тяжкой осады овладѣлъ Азовомъ. Въ то же время Минихъ взялъ Перекопъ, а Кинбурунъ сдался генералу Леонтьеву. Въ слѣдующемъ 1737 году Ласси опустошилъ западную часть Крыма, а Минихъ приступилъ къ осадѣ Очакова, который взятъ былъ 2-го іюля. Осенью того же года здѣсь храбро защищался генералъ Штофеленъ отъ осаждавшихъ его турокъ. Этимъ, однако, военныя дѣьствія не закончились. Въ 1739 году Ласси снова вторгнулся въ Крымъ съ цѣлью завладѣть Кафою, а Минихъ двинулся на юго-западъ, одержалъ блестящую побѣду при Ставучанахъ, взялъ Хотинъ и перваго сентября вступилъ въ городъ Яссы и принялъ отъ свѣтскихъ и духовныхъ чиновъ Молдавіи изъявленіе покорности императрицѣ. Но въ началѣ сентября Минихъ получилъ приказаніе прекратить военныя дѣйствія. Русское правительство желало мира, давно начатая война

требовала большихъ средствъ и становилась утомительный для самаго войска, которое въ дикой степной мѣстности должно было возить съ собою не только припасы, но и воду, даже двора, больныхъ и раненыхъ. Императрица принуждена была заключить этотъ миръ поспѣшно и далеко не выгодно для Россіи въ виду неудачныхъ дѣйствій союзныхъ австрійскихъ войскъ. Еще въ концѣ 1738 года русское правительство обѣщало Карлу VI выслать вспомогательный корпусъ въ Трансилванію, но не могло выполнить своего обѣщанія, такъ какъ русскимъ пришлось бы въ такомъ случаѣ пройти черезъ Польшу, а поляки не соглашались пропустить ихъ австрійскій дворъ, однако, продолжалъ требовать высылки этого вспомогательнаго отряда. Между тѣмъ неудачныя дѣйствія австрійскихъ войскъ и происки французскихъ дипломатовъ, которые въ интересахъ Франціи стремились къ раздѣленію двухъ союзническихъ дворовъ, побудили Арстрію заключить крайне невыгодный для ней и притомъ сепаратный, подписанный безъ вѣдома союзниковъ, миръ съ Портой. Лишенная союзника, и предвидя близкое окончаніе войны султана

съ Персіей, императрица рѣшилась заключить также миръ, по которому Азовъ остался за Россіей, но безъ укрѣпленій, Таганрогскій портъ не могъ быть возобновленъ, Россія не могла держать кораблей на Черномъ морѣ и имѣла право вести торговлю на немъ только посредствомъ турецкихъ судовъ. Но Россія получала право построить себѣ крѣпость на донскомъ островѣ Черкаскѣ, Турція на Кубани. Наконецъ Россія пріобрѣтала кусокъ степи между Бугомъ и Днѣпромъ. Такимъ образомъ, война, которая стоила Россіи до 100000 солдатъ, оказалась безполезной, какъ это и предсказывалъ графъ Остерманъ еще до начала военныхъ дѣйствій. Заключеніе мира пышно отпраздновано было въ Петербургѣ 14 февраля 1740 года. Походы Миниха и Ласси, однако, не только не принесли Россіи почти никакихъ выгодъ, но повели къ вреднымъ послѣдствіямъ въ сферѣ государсвеннаго и народнаго хозяйства.

Въ концѣ царствованія императрицы въ Великороссійскихъ губерніяхъ насчитывалось всего лишь 5½ милліоновъ человѣкъ мужскаго пола. Государственные расходы, между тѣмъ, были довольно значительны. Въ 1734

году, напр., на содержаніе двора требовалось 260000 рублей, императорской конюшни 100000. На пенсіи разнымъ родственникамъ и родственницамъ императрицы выходило 77000, на жалованіе и дачи разнымъ гражданскимъ чинамъ 460000 и т. д. Несмотря на замѣтное развитіе науки и литературы при Аннѣ Іоанновнѣ въ послѣдніе годы ея царствованія, положеніе государства было довольно печальнымъ. Петровскія войны и тяжелыя походы 1733—1739 гг., а также жестокое правленіе и злоупотребленія Бирона давали себя чувствовать, вредно отзывались на состояніи народнаго хозяйства. Если служебныя обязанности шляхетства были облегчены въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, то податныя обязанности, по прежнему, тяжелымъ бременемь ложились на низшій классъ и становилисъ еще тяжелѣе подъ вліяніемъ той строгости, съ которой производилось взыманіе недоимокъ. При такихъ условіяхъ власть землевдадѣльцевъ надъ крестьянами чувствовалась сильнѣе. Неудивительно поэтому, что кое гдѣ замѣчаются вспышки народнаго неудовольствія. Сохранились извѣстія, напримѣръ, о появленіи въ селѣ Ярославцѣ кіевскаго

полка лжецаревича Алексѣя Петровича, котораго поспѣшили признать мѣстный священникъ и солдаты; есть свѣдѣнія о заговорѣ противъ жизни хозяина, составленнымъ рабочими на Ярославской полотнянной фабрикѣ Ивана Затрапезнаго въ 1739 году, о возмущеніи крестьянъ противъ одного изъ Данковскихъ помѣщиковъ, причемъ для ихъ усмиренія потребовалось содѣйствіе „городской команды". Съ 1735 г. по 1740 г. происходило нѣсколько возстаній башкирцевъ, къ которымъ съ 1738 года присоединились и киргизы. Ихъ усмиряли А. Румянцевъ, В. Татищевъ и кн. Урусовъ. Ропотъ и неудовольствіе вездѣ возбуждали подозрѣнія правительства; лазутчики и доносчики роились всюду. Терпѣли не только низшіе классы, но и нѣкоторые изъ представителей аристократіи, если чѣмъ либо мѣшали усиленію Бирона. Фельдмаршалъ Долгорукій былъ сосланъ, въ 1733 г. также сосланъ былъ ни въ чемъ неповинный князь А. Черкасскій. Указомъ 12 ноября 1739 г. обнародовано было, что князю Долгорукому (Ивану), послѣ колесованія отсѣчена голова, что тому же наказанію подвергнуты кн. Василій Лукичъ, Сергѣй

и Иванъ Григорьевичи, и что кн. Василій и Михаилъ Владимировичи сосланы; Алексѣй Васильевичъ Макаровъ содержался подъ арестомъ. Наконецъ, извѣстна печальная судьба А. П. Волынскаго, который возвысился благодаря Бирону, но вскорѣ возстановилъ противъ себя своего бывшаго покровителя, Остермана и Куракина. Обвиненный въ государственныхъ преступленіяхъ, онъ былъ казненъ 27-го іюля 1740 года вмѣстѣ съ нѣсколькими сообщиками; другихъ били кнутомъ и сослали въ Сибирь на каторжную работу. Тяжело было правленіе временщика; но ропотъ и неудовольствіе народное, благодаря его стараньямъ вовсе не доходили до императрицы, проводившей время на кушеткѣ, въ шлафрокѣ, съ ея любимцемъ или въ игрѣ въ карты за виномъ въ обществѣ, шутовъ и шутихъ. А внѣ этихъ стѣнъ дворца въ Россіи царсвовала тишина кладбища и полнаго народнаго и государственнаго раззоренія. Осень 1740 года императрица начала чувствовать себя не совсѣмъ здоровой, 5-го октября, за обѣдомъ ей стало дурно, а 17-го того же мѣсяца она скончалась, назначивъ преемни-

комъ двухмѣсячнаго сына племянницы своей Анны Леопольдовны, Ивана.

Горючій матеріалъ негодованія, обильно копившійся десять лѣтъ, тлѣлъ, незамѣтно. Ему мѣшали разгораться привычное почтеніе къ носителямъ верховной власти, исполненіе нѣкоторыхъ шляхетскихъ желаній 1730 года и нѣчто похожее на политическій стыдъ: сами же надѣли на себя это ярмо. Но смерть Анны развязало языки, а оскорбительное регентство Бирона толкало къ дѣйствію. Гвардія зашумѣла; офицеры, сходясь на улицахъ съ солдатами, громко плакались имъ на то, что регентство дали Бирону мимо родителей императора, а солдаты бранили офицеровъ, зачѣмъ не „зачиняютъ". Капитанъ Бровцынъ на Васильевскомъ Островѣ собралъ толпу солдатъ и съ ними горевалъ о томъ, что регентомъ послѣ смерти императрицы назначенъ Биронъ. Увидѣлъ это кабинетъ-министръ Бестужевъ-Рюминъ, креатура регента, и, превративъ себя въ городоваго, погнался съ обнаженной шпагой за Бровцынымъ, который едва успѣлъ скрыться въ домѣ Миниха. Подполковникъ Пустошкинъ, вспомнивъ 1730 годъ, подговорилъ

многихъ и въ томъ гвардейскихъ офицеровъ подать челобитную отъ россійскаго шляхетства о назначеніи регентомъ принца-отца. Пустошкинъ хотѣлъ провести свою просьбу черезъ кабинетъ-министра кн. Черкасскаго, одного изъ шляхетскихъ вождей 1730 года, а тотъ выдалъ его Бирону. Офицеры толковали о регентѣ, не трогая императора-младенца Ивана Антоновича. Нижнимъ чинамъ была понятнѣе болѣе простая и радикальная мысль о самомъ престолѣ. При сынѣ герцога брауншвейгскаго кто ни будь регентомъ, господство все равно останется въ рукахъ нѣмцевъ. На престолѣ надобно лица, которое обошлось бы безъ регента и безъ нѣмцевъ. Озлобленіе на нѣмцевъ расшевелило національное чувство; эта новая струна въ политическомъ возбужденіи постепенно поварачиваетъ умы въ сторону дочери Петра. Идучи отъ присяги императору-ребенку, гвардейскіе солдаты толковали о цесаревнѣ Елизаветѣ. Одинъ гвардейскій капралъ въ этотъ день говорилъ своимъ товарищамъ: „А не обидно ли? вотъ императоръ Петръ I въ Россійской имперіи заслужилъ: коронованнаго отца дочь государыня-цесаревна

отставлена“. Возбужденіе гвардейскихъ кружковъ сообщалось и низшимъ слоямъ, съ ними соприкасавшимися. Когда манифестъ о воцареніи Ивана Антоновича и о регентствѣ Бирона былъ присланъ въ Шлиссельбургъ, въ канцелярію Ладожскаго канала, одинъ писарь оказался навеселѣ. Окружающіе совѣтовали ему привести себя для присяги въ порядокъ; но онъ имъ возразилъ: „не хочу, я вѣрую Елизаветѣ Петровнѣ“. Самые скромные чины хотѣли имѣть свои политическія вѣрованія. Такъ былъ подготовленъ ночной гвардейскій переворотъ 25 ноября 1741 года, который возвелъ на престолъ дочь Петра I. Этотъ переворотъ сопровождался бурными патріотическими выходками, неистовымъ проявленіемъ національнаго чувства, оскорбленнаго господствомъ иноземцевъ: врывались въ дома, гдѣ жили нѣмцы, и порядочно помяли даже канцлера Остермана и самаго фельдмаршала Миниха. Гвардейскіе офицеры потребовали у новой императрицы, чтобы она избавила Россію отъ нѣмецкаго ига. Она дала отставку нѣкоторымъ нѣмцамъ. Гвардія осталась недовольна, требуя поголовнаго изгнанія всѣхъ нѣмцевъ заграницу.

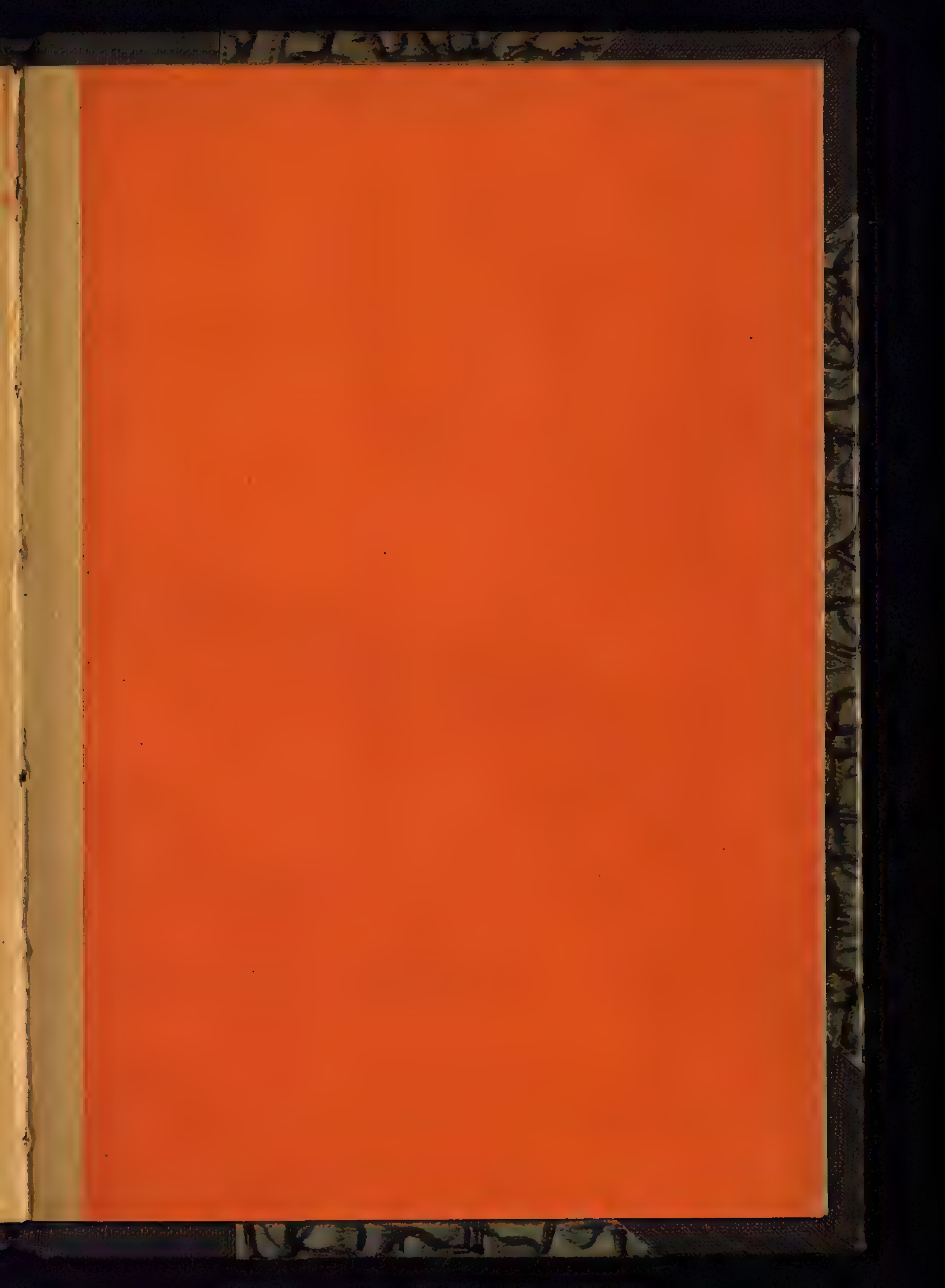
Въ финляндскомъ походѣ въ лагерѣ подъ Выборгомъ, противъ нѣмцевъ поднялся открытый бунтъ гвардіи, усмиренный только благодаря энергіи генерала Кейта, который, схвативъ перваго попавшагося бунтовщика, приказалъ сейчасъ же позвать священника, чтобы приготовить солдата къ разстрѣлянію.

Началась вторая часть періода временщиковъ, эпоха дворцовыхъ переворотовъ, эпоха фактическаго правленія государствомъ ставленниками гвардіи и любовниками царицъ, выходцами изъ нижнихъ чиновъ этой самой гвардіи.

Типографія Лепента (С. Сиднеръ)
Берлинъ SW. 68, Линденштрассе 93.

Продаются слѣдующіе томы:

Томъ II **Анна Іоанновна**, ея личность, интимная жизнь и правленіе.

" III **Елизавета Петровна**, ея любовныя похожденія.

" IV **Петръ III**, его дурачества и любовныя похожденія.

" VII **Екатерина II**, ея происхожденіе и интимная жизнь.

" VIII **Павелъ I**, его семейная жизнь, фавориты, убійство.

" IX **Александръ I**, его личность, правленіе и интимная жизнь.

" X **Николай I**, его интимная жизнь, правленіе.

" XI **Александръ II**, его интимная жизнь и правленіе.

" XII **Александръ III**, его интимная жизнь, правленіе.

" XIII **Николай II**, его интимная жизнь, правленіе.

